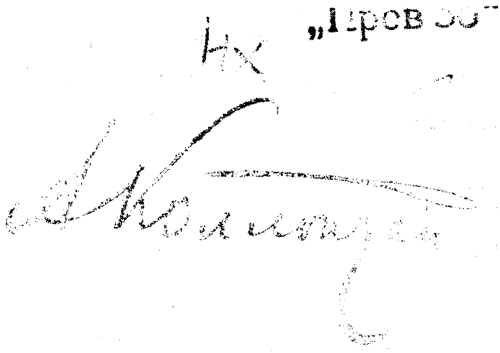
К
362
Колл

...оллонтай

Этика и социал-демократия

Этика и соціалъ-демократія.

(По поводу статьи г. Покровскаго въ № 4 „Полярной Звѣзды“).

„Полярная Звѣзда“ открыла походъ на соціалъ-демократію. Несостоятельность тактическихъ пріемовъ и „лозунговъ“ соціалъ-демократіи—вотъ основной Leitmotiv всѣхъ почти статей, выходящихъ изъ-подъ пера нашихъ „критическихъ идеалистовъ“. Еще не далеко то время, когда гг. идеалисты увѣряли насъ, что, расходясь съ марксистами въ вопросахъ философскаго обоснованія соціалъ-демократическаго ученія, они тѣмъ не менѣе раздѣляютъ вполнѣ практическіе выводы, а слѣдовательно и тактическіе пріемы соціалъ-демократіи [1]). Но... tempora mutantur; и если годъ-два тому назадъ можно еще было вѣрить на слово чьимъ-либо увѣреніямъ въ своей преданности интересамъ рабочаго класса, то теперь моментъ иной. Сейчасъ передъ каждымъ русскимъ гражданиномъ ясно вырисовывается чисто-практическая проблема: опредѣлить самому себѣ и дѣйствительно показать на дѣлѣ, интересы какого класса являются для него той рубашкой, которая по пословицѣ „ближе къ тѣлу“. Какъ ни стараются гг. идеалисты задрапироваться въ пышныя тоги „чистаго культурничества“, какъ они ни пытаются взлетѣть высоко, такъ высоко, чтобы „узкоклассовые“ интересы остались гдѣ-то на неизмѣримой глубинѣ, мы, къ сожалѣнію, улавливаемъ въ исповѣдуемой ими надклассовой толкѣ зрѣнія яркія, типичныя черты... буржуазной идеологіи.

Въ 4-ой книжкѣ „Полярной Звѣзды“ г. Покровскій обращаетъ свое вниманіе на вопросы реальной политики. Разсматривая тактическіе пріемы

[1]) „Въ программѣ своей мы рѣшительно беремъ подъ свою защиту реальные интересы трудящихся массъ, мы ничѣмъ не отличаемся въ конкретныхъ своихъ пожеланіяхъ отъ тѣхъ, которые насъ подозрѣваютъ въ измѣнѣ“... „Наша соціально-политическая мысль всегда принадлежала и будетъ принадлежать грядущему классу, съ которымъ нѣкогда мы тѣсно связали свое теоретическое міровоззрѣніе“. Ник. Бердяевъ. „Новый

475

соціалъ-демократіи съ точки зрѣнія „этически-должнаго“, онъ приходитъ къ самымъ пессимистическимъ выводамъ и съ высоты „нравственнаго абсолюта“ готовъ въ результатѣ признать соціалъ-демократію партіей, не имѣющей „нравственныхъ принциповъ“, партіей варваровъ и имморалистовъ... Обвиненіе знакомое; сколько разъ уже высказывалось оно по адресу соціалъ-демократіи буржуазными идеологами Западной Европы! Обвиненій этихъ мы, конечно, не боимся: соціалъ-демократія имѣетъ подъ собою слишкомъ твердую почву; но мы не можемъ не спросить прежде всего гг. идеалистовъ,—увѣряющихъ насъ, по крайней мѣрѣ на словахъ, что и они дорожатъ освободительнымъ движеніемъ въ Россіи,—корректно-ли ихъ усиленное стараніе всѣми способами дискредитировать партію международнаго пролетаріата,—партію, все время находящуюся въ авангардѣ движенія и безусловно вынесшую на своихъ плечахъ всѣ самые тяжелые удары переживаемой нами революціонной эпохи?..

Центръ тяжести своей критики г. Покровскій сосредоточиваетъ на политическихъ и тактическихъ пріемахъ соціалъ-демократіи: „Попытаемся продумать эти основы чисто-теоретически съ точки зрѣнія тѣхъ этическихъ принциповъ, которые подъ этимъ ученіемъ скрываются“, говоритъ онъ. Переводить вопросъ на почву этическую—вообще любимый пріемъ идеалистовъ. Этическій моментъ въ ученіи соціалъ-демократіи—это, по ихъ мнѣнію, Ахиллесова пята марксизма; здѣсь предвкушаютъ они гордость своей побѣды. Такого рода убѣжденіе вызывается, вѣроятно, тѣмъ, что соціалъ-демократія вообще не разсматриваетъ ни своихъ политическихъ дѣйствій, ни своихъ классовыхъ стремленій съ узко-этической точки зрѣнія, считая, какъ извѣстно, самую нравственность *факторомъ производнымъ*. Разбирая соціальные процессы и классовую политику той или иной общественной группы, соціалъ-демократія оцѣниваетъ ихъ прежде всего со стороны ихъ цѣлесообразности, ихъ согласованности съ общимъ ходомъ соціально-экономическаго прогресса. Но если г. Покровскій желаетъ во что бы то ни стало перевести вопросъ на почву „моральныхъ исканій“, если онъ, вопреки реальной дѣйствительности, утверждаетъ, что „политика не можетъ имѣть иного руководителя, кромѣ этики“, то мы не отказываемся подвергнуть политическую дѣятельность соціалъ-демократіи критической оцѣнкѣ и со стороны объективной морали. Насъ смущаетъ одно: рѣшившись возражать г. Покровскому на возводимые имъ на соціалъ-демократію поклепы, мы принуждены будемъ повторять многія азбучныя основы нашего ученія, которыя гг. идеалисты всегда упорствуются позабыть или перепутать.

Прежде всего мы позволимъ себѣ спросить: какое противорѣчіе усматриваетъ г. Покровскій въ томъ, что съ одной стороны—соціалъ-демократы утверждаютъ, будто „надклассовой“ или „внѣклассовой“ позиціи сейчасъ быть не можетъ, а то, что выдается за таковую, есть либо замаскированная классовая точка зрѣнія, либо сидѣніе между двумя стульями, и съ другой

стороны—что классовые интересы пролетаріата, при наличности современныхъ соціально-экономическихъ отношеній, совпадаютъ съ интересомъ общества въ его цѣломъ, „что пролетаріатъ по самому положенію своему является лишь естественнымъ выразителемъ того, что необходимо всему обществу, если оно желаетъ перейти къ высшимъ и лучшимъ формамъ существованія“ („Полярная Звѣзда“, № 4, стр. 259).

Да, дѣйствительно, мы утверждаемъ, что въ обществѣ, основанномъ на классовыхъ противоположностяхъ, внѣклассовой позиціи быть не можетъ; что, если существуютъ два класса, интересы которыхъ рѣзко противорѣчатъ другъ другу, то средняя позиція будетъ ничѣмъ инымъ, какъ сидѣньемъ между стульями; что мы притомъ не видимъ основанія, почему именно эту, а не иную позицію идеалисты готовы признать за выразительницу „надклассовой“ идеологіи. По нашему разумѣнію, это будетъ въ лучшемъ случаѣ—безсильный эклектизмъ, въ худшемъ—логическій абсурдъ, стремленіе „объять необъятное“, т. е. соединить въ одно два противорѣчивыхъ принципа [1]). Мы утверждаемъ, что въ существующемъ капиталистическомъ мірѣ ни одинъ классъ, ни одна политическая партія не въ состояніи отрѣшиться отъ своей классовой точки зрѣнія; это такъ сказать та область „сущаго“, которая усиленно отмежевывается г. Покровскимъ отъ области „должнаго“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы недоумѣваемъ, откуда г. Покровскій взялъ, будто соціалъ-демократы отрицаютъ существованіе вообще нравственнаго критеріума, будто они безъ зазрѣнія совѣсти валятъ въ одну кучу и „сущее“ и „должное“. Утверждать, что въ современномъ соціально-экономическомъ укладѣ общества классовый интересъ является самымъ яркимъ и сильнымъ факторомъ политической дѣятельности—это одно, оцѣнивать-же принципы, являющіеся основой классовой политики, прилагая къ нимъ объективно-этическій критерій,—это совершенно другое. Не мы смѣшиваемъ понятія о „сущемъ“ и „должномъ“, а вы, гг. идеалисты, сами не умѣете отличать этихъ двухъ моментовъ въ разбираемомъ вами вопросѣ. Или вы не знакомы съ основами философской доктрины Маркса, или вы ее намѣренно извращаете. Но вѣдь и то и другое одинаково прискорбно. Если-бы вы отнеслись внимательно къ разбираемому вопросу, вы не рѣ-

[1]) „Понятіе класса необходимо включаетъ въ себѣ понятіе классовой противоположности. Но если это такъ, то утвержденіе партіи, что она блюдетъ интересы всѣхъ классовъ, является пустой фразой, хуже того—демагогическимъ обманомъ. Оно равносильно утвержденію, что эта партія одновременно охраняетъ интересы жильцовъ, стараясь понизить квартирную плату, и интересы домохозяевъ, стараясь поднять квартирную плату; что она желаетъ для рабочихъ добиться высокой заработной платы, для капиталистовъ—дешевыхъ рабочихъ рукъ; что она для потребителей стремится къ низкимъ цѣнамъ на жизненные припасы, для производителей—къ высокимъ и т. д.“ К. Каутскій. „Классовые интересы“, стр. 6.

шились-бы никогда утверждать, будто партія, выставляющая на своемъ знамени *уничтоженіе классоваго различія*, могла признать классовый интересъ моментомъ, опредѣляющимъ этически-должное. Подумайте сами, гг. идеалисты, до чего вы договариваетесь, стараясь отыскать „нелогичности“ въ марксовской доктринѣ. Укажите намъ, гдѣ и когда соціалъ-демократы утверждали, будто классовый интересъ является не только основой классовой политики, но служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и единственнымъ критеріемъ истинной морали? Допускать существованіе столькихъ точекъ зрѣнія на мораль, сколько въ данное время имѣется общественныхъ группировокъ, еще не значитъ признавать одинаковую правильность этихъ точекъ зрѣнія.

Но г. Покровскій этого, повидимому, не различаетъ и потому въ недоумѣніи вопрошаетъ: „Почему интересъ пролетаріата долженъ быть предпочтенъ интересамъ какихъ-либо другихъ классовъ? Почему интересъ рабочаго этически-цѣннѣе интереса капиталиста, интересъ крестьянина цѣннѣе интереса землевладѣльца? Отвѣта на этотъ вопросъ этимъ ученіемъ не дается, ибо не можетъ считаться отвѣтомъ утвержденіе, что этимъ интересамъ принадлежитъ побѣда и будущее“ (стр. 258). Что это—наивность или предвзятость?.. Соціалъ-демократы утверждаютъ, что при наличности современныхъ соціально-экономическихъ отношеній въ данномъ фазисѣ историческаго развитія общества, *интересъ пролетаріата, а не какого-либо иного класса* всего ближе отвѣчаетъ высшимъ и всеобщимъ интересамъ человѣчества, что именно его руководящіе принципы, а не принципы другого класса всего тѣснѣе совпадаютъ съ основнымъ нравственнымъ критеріемъ. Что такое въ самомъ дѣлѣ классовый интересъ, какъ не отраженіе внѣшнихъ экономическихъ условій, опредѣляющихъ матеріальныя потребности даннаго класса? Если матеріальныя потребности класса совпадаютъ съ предполагаемымъ дальнѣйшимъ ходомъ развитія производительныхъ силъ въ обществѣ, мы признаемъ эти интересы цѣнными и для всего человѣчества; если-же, наоборотъ, интересы какой-либо соціальной группы, въ частности—партіи, противорѣчатъ росту культурнаго прогресса человѣчества, тормазитъ его естественное развитіе, то мы признаемъ данную соціальную группу элементомъ, враждебнымъ обществу въ его цѣломъ, и будемъ всячески противодѣйствовать соціальной политикѣ такой группы, будь это общественный классъ или политическая партія. Точно также, оцѣнивая руководящіе принципы разбираемаго класса съ этической точки зрѣнія, мы признаемъ нравственныя его нормы тѣмъ болѣе высокими, чѣмъ ближе онѣ будутъ къ объективному критерію морали, нигдѣ и никогда соціалъ-демократіей не отрицавшемуся.

— Вотъ, видите! —будутъ торжествовать идеалисты,—мы-же и указываемъ вамъ ваше несомнѣнное противорѣчіе: проповѣдуете классовую точку зрѣнія, а чуть почувствуете ея шаткость, спѣшите призвать на помощь

объективный „надклассовый“ критерій!.. Въ томъ-то и дѣло, гг. идеалисты, что критерій-то нашъ не надклассовый и что онъ вовсе не принадлежитъ къ верховнымъ и абсолютнымъ категоріямъ, до которыхъ вы такіе охотники. Мы не претендуемъ на обладаніе безошибочной нравственной догматикой; мы не гонимся за непогрѣшимымъ, неизмѣннымъ нравственнымъ „абсолютомъ“, но путемъ мышленія и опыта—эмпирически намъ удалось разобраться въ этической проблемѣ и найти позитивныя объясненія основныхъ задачъ морали. Мы знаемъ, что своимъ происхожденіемъ нравственныя нормы обязаны взаимоотношеніямъ между обществомъ и индивидуумомъ, обезпечивающимъ на извѣстной ступени развитія сохраненіе интересовъ и той и другой стороны. Являясь продуктами общества, онѣ служатъ одной единственной задачѣ, преслѣдуютъ одну единственную цѣль—скрѣплять и утверждать общественность, т. е. соціальное сожительство людей [1]). Чѣмъ тѣснѣе связываютъ человѣчество соціальными узами данныя нравственныя нормы, тѣмъ бо́льшую этическую цѣнность будемъ мы признавать за ними, тѣмъ совершеннѣе и полнѣе, по нашимъ понятіямъ, выполняютъ они свою основную функцію. Оцѣнивая поэтому нравственные принципы той или другой соціальной группы со стороны *объективной морали*, мы естественно придаемъ бо́льшую моральную цѣнность той изъ общественныхъ группъ, чьи нравственныя нормы всего ближе отвѣчаютъ назначенію этики, т. е. всего полнѣе содѣйствуютъ росту и укрѣпленію общественности [2]).

Если-бы идеалисты при этической оцѣнкѣ классовой политики считались съ установленнымъ позитивной школой критеріемъ, они не стали-бы задавать такихъ наивныхъ вопросовъ и знали-бы, почему идеологія пролетаріата нравственно выше, совершеннѣе идеологіи буржуазіи, почему интересы рабочаго предпочтительнѣе интересовъ капиталиста; они знали-бы, что не только матеріальныя цѣли буржуазіи противорѣчатъ дальнѣйшему

[1]) „Только въ обществѣ лежитъ зародышъ *нравственности*. Человѣкъ долженъ понять, что ему выгоднѣе войти въ союзъ со своими ближними, чѣмъ воевать съ ними и вслѣдствіе этого находиться въ постоянной опасности, въ постоянномъ страхѣ. Основное положеніе всякой нравственности: дѣлай твоему ближнему то, что ты желаешь, чтобы онъ тебѣ дѣлалъ,—есть продуктъ нужды, которая вызвала въ людяхъ сознаніе ихъ солидарныхъ интересовъ. Конечно, эта солидарность могла относиться сначала къ очень тѣсному кругу близкихъ людей и расширялась лишь постепенно, въ школѣ долгихъ, тяжелыхъ испытаній, пока мы теперь, наконецъ, не дошли до того, что послѣднія преграды къ солидарности могутъ быть поддерживаемы только силой штыковъ. Понятіе *о всеобщей человѣческой солидарности* есть высшее понятіе культуры и морали, и задача соціализма состоитъ въ томъ, чтобы осуществить его въ совершенствѣ“. В. Либкнехтъ. „Два Міра“, изд. „Буревѣстника“, стр. 21.

[2]) Подробнѣе см. мою статью: „Проблема нравственности съ позитивной точки зрѣнія“. „Образованіе“ 1905, сент. и окт.

культурному прогрессу человѣчества, но что и кодексъ буржуазной морали не отвѣчаетъ болѣе принципамъ объективной этики.

Въ самомъ дѣлѣ: что составляетъ основу буржуазной морали нашихъ дней, какъ не проповѣдь безграничнаго индивидуализма, борьба индивидуальныхъ, частныхъ интересовъ съ интересами групповыми, общественными? Соревнованіе, конкурренція между членами собственнаго класса, широкое, безпрепятственное проявленіе своего „я"—вотъ современный катехизисъ буржуазной идеологіи, апостоломъ которой явился несомнѣнно-геніальный Фр. Ницше. Экономическій классовый интересъ буржуазіи проявилъ рѣзкій антагонизмъ съ экономическимъ интересомъ общества, соціальнаго цѣлаго; въ этомъ скрыта неизбѣжность постепенной гибели этого класса, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ всѣхъ условій его настоящаго господства и процвѣтанія. Моральныя нормы буржуазіи противорѣчатъ основнымъ задачамъ объективной нравственности; онѣ на самомъ дѣлѣ—*аморальны*; отсюда—конфликтъ между требованіями объективной морали и узко-классовой буржуазной этикой, стремящейся вывернуть всю этико-философскую проблему наизнанку, перенося центръ этической проблемы съ общества на человѣка и провозглашая „самоцѣнность" моральной личности, „освободившейся отъ деспотизма общества".

И рядомъ съ анти-общественной моралью буржуазіи—соціальная мораль пролетаріата. Солидарность, объединеніе, самоотверженіе, подчиненіе частныхъ интересовъ интересамъ групповымъ—такова нравственная идеологія пролетаріата. Пролетаріатъ, какъ общественная группа наиболѣе угнетенная, безсознательно выращиваетъ въ своей средѣ эти моральныя нормы, все тѣснѣе скрѣпляющія его сочленовъ и помогающія ему стать все болѣе и болѣе организованнымъ, сплоченнымъ и потому болѣе сильнымъ [1]). Оцѣнивая нравственную идеологію пролетаріата, мы вправѣ за-

[1]) „Столѣтія и тысячелѣтія живутъ люди въ общественныхъ группахъ, и, только благодаря силѣ своей общественной замкнутости, могли они укрѣпить свои соціальныя побужденія, которыя выросли въ могучую силу. Философамъ нравственности они кажутся необъяснимыми. Въ соціальныхъ инстинктахъ, образующихъ основу нравственности, они видятъ нѣчто сверхъестественное, божественное, продукты другого міра. Но они только продукты общества. Отъ общественныхъ отношеній зависитъ также, съ какой силой они примѣняются внутри каждой изъ нихъ. Легко понять, что въ настоящее время они наиболѣе сильно проявляются въ пролетаріатѣ, сильнѣйшимъ орудіемъ котораго въ классовой борьбѣ является тѣсная сомкнутость его сочленовъ; обыкновенно они могутъ быть лишь слабо развиты у члена имущаго класса, такъ какъ его общественная сила прежде всего зависитъ отъ величины его имуществъ. Его-же имущество увеличивается не только эксплоатаціей членовъ другихъ классовъ, но и вытѣсненіемъ членовъ его собственнаго класса изъ ихъ владѣній. Частная собственность на средства производства и борьба конкурренціи являются могучими причинами ослабленія соціальныхъ инстинк-

явить: да, именно этическія формы пролетаріата, служащія обоснованіемъ для его соціальной политики, въ самомъ цѣлѣ всего ближе подходятъ къ основной цѣли этики. И если въ настоящее время ни одинъ классъ не обладаетъ еще истинной моралью „въ смыслѣ ея абсолютной окончательности", какъ говоритъ Энгельсъ, „то, разумѣется, всего цѣннѣе та, которая, соединяя въ себѣ наибольшее количество постоянныхъ элементовъ, представляетъ въ настоящемъ—будущее, стало быть—нравственность пролетарская".

Какъ видите, гг. идеалисты, при оцѣнкѣ политической дѣятельности различныхъ общественныхъ группъ мы тоже умѣемъ примѣнять опредѣленный нравственный критерій и, только пользуясь имъ, осмѣливаемся утверждать, что въ существующемъ соціальномъ фазисѣ пролетаріатъ, хотя и преслѣдуетъ свои чисто-классовыя цѣли, безсознательно, стихійно служитъ, однако, и интересамъ всего человѣчества въ его цѣломъ, такъ какъ, борясь за свое освобожденіе, за измѣненіе въ свою пользу экономическихъ отношеній, пролетаріатъ ведетъ за собою и все человѣчество въ новый, болѣе совершенный соціально-экономическій фазисъ. Въ настоящее время нѣтъ и не можетъ быть другого класса, чей соціально-экономическій идеалъ отвѣчалъ-бы потребностямъ всего человѣчества въ той мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ идеалъ, созрѣвшій въ умахъ и сердцахъ рабочихъ. Идеалъ этотъ ставитъ своей задачей водвореніе не только такого экономическаго строя, который дастъ значительно большій, по сравненію съ предыдущимъ, просторъ для развитія новой, болѣе современной формы производства, но и обѣщаетъ избавленіе отъ всѣхъ угнетающихъ человѣчество золъ. Что-же касается абсолютнаго сверхклассоваго идеала, то ортодоксальная школа безусловно отрицаетъ возможность его образованія въ обществѣ, основанномъ на антагонизмѣ классовъ. Возможность осуществленія такого идеала допустима лишь въ далекомъ будущемъ, когда выставляемый пролетаріатомъ идеалъ-цѣль обратится въ конкретную дѣйствительность.

— Но какъ-же это такъ!—взволнуются гг. идеалисты. Устанавливая нравственный критерій, вы ни разу не обмолвились объ „общемъ благѣ", „общей пользѣ", „общемъ счастьѣ", а между тѣмъ, по нашему разумѣнію, къ этому-то и долженъ сводиться вашъ критерій морали.—Но напрасно, гг. идеалисты, будете вы стараться навязать намъ, позитивистамъ, различные „абсолюты", съ которыми мы давно покончили. Позитивная школа неоднократно уже доказывала, что всѣ моральные критеріи полу-позитивныхъ школъ—ути-

---

товъ; но тѣмъ болѣе отсутствіе этой частной собственности въ классѣ неимущихъ способствуетъ усиленію этихъ инстинктовъ. Именно въ силу классовой борьбы духъ общественности у класса неимущихъ гораздо больше, и частные интересы занимаютъ въ пролетаріатѣ, а потому и въ соціалъ-демократіи, гораздо меньше мѣста, чѣмъ въ буржуазныхъ партіяхъ". К. Каутскій. „Классовые интересы" стр. 15.

литаристовъ, эвдемонистовъ и гедонистовъ—являются тоже своего рода идеологическими категоріями, „конечными цѣлями“ этики, допускающими телеологію тамъ, гдѣ существуетъ мѣсто лишь для строгой закономѣрности. Мы еще разъ повторяемъ, что не видимъ въ этикѣ никакихъ „верховныхъ цѣлей“, никакой абсолютной догматики; задачи нравственности, непосредственно вытекая изъ ея-же источника, т. е. общества, служатъ одной единственной реальной цѣли—установленію взаимоотношеній индивидуума съ коллективностью въ цѣляхъ укрѣпленія этой послѣдней. Мы поэтому обходимъ молчаніемъ критику г. Покровскаго, направленную на полупозитивныя школы; стрѣлы, пускаемыя, въ нихъ, насъ не задѣваютъ.

Но если съ философской точки зрѣнія „общее благо“, „счастье“, „польза“, какъ критеріи морали, должны быть признаны безусловно неприемлемыми, то въ жизненной практикѣ именно этими „псевдо-моральными“ нормами этики постоянно прикрываютъ свои дѣйствія тѣ общественныя группы, чьи политическія дѣянія не находятъ оправданія со стороны объективной морали. Не о „благѣ-ли всей Россіи“ толкуетъ самодержавное правительство, разстрѣливая, вѣшая, заточая въ тюрьмы тысячи русскихъ гражданъ, предавая огню ихъ дома, разграбляя ихъ имущество, убивая отцовъ на глазахъ дѣтей и дѣтей передъ лицомъ обезумѣвающихъ матерей?.. Не имѣя подъ собой никакой моральной почвы, правительство прикрывается этимъ научно не установленнымъ, идеалистическимъ принципомъ, разсчитывая подтасовкою понятій обмануть общественный инстинктъ, общественное самосознаніе. Какъ-никакъ, но это все-таки имѣетъ свое объясненіе. Что-же представляетъ несомнѣнно менѣе понятное явленіе, такъ это—защита именно подобной нагло-классовой политики со стороны гг. идеалистовъ. Мы не умѣемъ иначе понять ихъ яростныхъ нападокъ на „классовую политику“ пролетаріата и на тактическіе пріемы, къ которымъ бываетъ принужденъ прибѣгать этотъ послѣдній. Мы не можемъ ничѣмъ инымъ, какъ именно страхомъ передъ пролетаріатомъ, страхомъ за цѣлостность своихъ буржуазныхъ интересовъ, своего излюбленнаго міркa, истолковать слѣдующее восклицаніе г. Покровскаго: „Если меня грозятъ смести вооруженнымъ возстаніемъ, то и я вправѣ защищаться вооруженнымъ сопротивленіемъ и военнымъ положеніемъ“. Пусть укажутъ намъ гг. идеалисты ту этико-философскую школу,—будь она позитивною или идеалистическою,—которая оправдывала-бы массовыя казни, грабежи и насилія со стороны правящаго класса, насилія и ужасы, творимые явно не въ *интересахъ общества*, коллективности, а исключительно въ интересахъ господствующаго меньшинства?

—Но, постойте!—остановятъ насъ идеалисты.—А „ваше вооруженное возстаніе“—развѣ-же эта мѣра согласуется съ позитивнымъ объясненіемъ морали? Гдѣ-же утвержденіе и укрѣпленіе соціальныхъ узъ, разъ вы проповѣдуете убійство?!—Но пусть не забываютъ гг. Покровскій и Комп.,

что вооруженное-то возстаніе, да и вообще всякое революціонное дѣйствіе, есть не болѣе какъ актъ „самообороны“ общества противъ насилія, творимаго надъ соціальнымъ коллективомъ правящимъ классомъ во имя своихъ узкихъ классовыхъ цѣлей [1]). Не на голову революціонеровъ, а на голову вызвавшихъ, провоцировавшихъ кровавые ужасы послѣдняго года, падетъ кровь, пролитая оружіемъ... Не народъ, отстаивающій свои права, переступаетъ границы нравственно-дозволеннаго, а правительственныя власти, своими руками душащія своихъ подданныхъ, обрекающія ихъ на неслыханныя голодовки, запрещающія имъ отстаиваніе собственныхъ интересовъ, лишающія ихъ элементарныхъ правъ человѣка и гражданина, заставляющія ихъ подавлять накипѣвшіе крики негодованія, возмущенія, отчаянія!..

Когда обществу въ его цѣломъ грозитъ опасность со стороны одной какой-либо общественной группы, тогда актъ самообороны, въ какой-бы формѣ онъ ни проявлялся, долженъ быть признанъ моральнымъ; тогда принципъ непротивленія злу является величайшимъ нравственнымъ преступленіемъ... Этически-пріемлемой и цѣнной въ такомъ случаѣ должна быть признана политика того класса, той партіи, которая всего рѣзче выступаетъ противъ группы притѣснителей и насильниковъ, такъ какъ такое поведеніе всего ближе отвѣчаетъ интересамъ соціальнаго коллектива.

— Итакъ,—скажутъ намъ идеалисты,—вы опять-таки возвращаетесь къ понятію объ „интересѣ общества“, другими словами—„интересѣ большинства“. Въ такомъ случаѣ, вы, пожалуй, дойдете до того, что станете защищать рабство, хотя-бы меньшинства, если этого потребуетъ интересъ коллектива?—Вопросъ этотъ мы уже читаемъ въ статьѣ г. Покровскаго (стр. 264, внизу), заявляющаго въ результатѣ, что „отрицаніе рабства“

---

[1]) Подъ словомъ „революція“ понимается *насильственный* разрывъ со всѣми существующими государственными и общественными формами. Это такъ, но кѣмъ и чѣмъ вызывается этотъ насильственный разрывъ? На комъ лежитъ отвѣтственность за всѣ прежнія революціи? Не на тѣхъже, которые по законамъ человѣческаго развитія стремились дать новыя формы новому содержанію, новое выраженіе новымъ идеямъ,—нѣтъ, виноваты тѣ, которые по близорукости или эгоизму старались помѣшать ходу человѣческаго развитія. Какъ потокъ — привожу здѣсь это, хотя часто употребляемое, но очень удачное сравненіе—тихо течетъ, если никакое препятствіе ему не мѣшаетъ, но задержанный скалами, образуетъ дико бушующіе водопады, или, уничтожая все вокругъ, разливается по берегамъ,—также и теченіе міровой исторіи. Только тамъ, гдѣ вырастаютъ препятствія, образуются пороги, водопады, потопы—возстаніе, мятежъ, революція. Итакъ, всѣ революціи, о которыхъ повѣствуетъ исторія въ этомъ богѣе тѣсномъ смыслѣ, были вызваны не такъ называемыми революціонерами, а тѣми, которые ставили преграду естественному ходу развитія. Потому, всѣ революціи носятъ не наступательный, а оборонительный характеръ“. В. Либкнехтъ. „Два Міра“, стр. 24.

является для него „нѣкоторымъ категорическимъ императивомъ, подлежащимъ абсолютному осуществленію, совершенно независимо отъ тѣхъ или иныхъ побочныхъ эффектовъ".

„Проповѣдывать рабство", а тѣмъ болѣе „содѣйствовать его установленію"—такой неблагодарной задачи мы, конечно, на себя не беремъ; на категорическія-же заявленія г. Покровскаго, что понятіе о рабствѣ несовмѣстимо съ верховной этикой, отвѣтимъ лишь слѣдующее. Въ свое время, когда рабство являлось необходимой предпосылкой существованія общества, когда черезъ него удалось поднять производительность труда и сдѣлать первые культурные шаги по пути прогресса, тогда рабство не только *меньшинства*, но и большинства не считалось противорѣчащимъ морали,—мы всѣ прекрасно знаемъ, что лучшіе мыслители древности провозгласили этотъ институтъ незыблемою основою общественнаго строя, не видя въ немъ ничего, противорѣчащаго этикѣ. Если-бы и сейчасъ передъ человѣчествомъ предстала альтернатива—либо погибнуть, какъ цѣлое, какъ соціальная единица, либо ввести у себя рабство,—то нѣтъ сомнѣнія, что общество избрало-бы второй путь и что весьма скоро этическія нормы пришли-бы въ соотвѣтствіе съ этимъ новымъ положеніемъ вещей и выдвинули-бы снова подчиненіе, покорность, послушаніе, какъ высшія моральныя добродѣтели. Но въ томъ-то и суть, что, при современномъ состояніи производительныхъ силъ, при современномъ экономико-соціальномъ укладѣ общества, рабство является безусловно ненужнымъ и нецѣлесообразнымъ; рабство сейчасъ могло-бы служить интересамъ исключительно одного эксплоатирующаго класса, но всецѣло *противорѣчило*-бы интересамъ коллектива. На этомъ основаніи мы и признаемъ этотъ принципъ безнравственнымъ и естественно стали-бы всячески бороться противъ его осуществленія, если-бы какой-либо общественный классъ въ своихъ цѣляхъ вздумалъ въ той или иной формѣ воскресить этотъ институтъ. Думается, что если-бы какому-нибудь народу пришлось сбрасывать съ себя оковы физическаго рабства и прибѣгать для этого къ насильственнымъ мѣрамъ, вплоть до вооруженнаго возстанія, то дѣйствія этого народа освятили-бы своей этической санкціей даже буржуазные идеалисты.

Но какая разница, съ моральной точки зрѣнія, борется-ли народъ за освобожденіе отъ физическаго или политическаго рабства? Станутъ-ли идеалисты отрицать то, что русскій пролетаріатъ, русское крестьянство во всѣхъ отношеніяхъ порабощено, низведено на степень раба? Почему-же, отрицая рабство физическое, гг. идеалисты [illegible]ются освобожденія народа отъ рабства политическаго и экономическаго? Не потому-ли, что физическое рабство не отвѣчаетъ болѣе даже и интересамъ буржуазіи, политическое-же, а особенно экономическое безправіе народа составляетъ естественную предпо-

сылку ихъ классоваго господства... А когда буржуазіи мерещится призракъ „диктатуры пролетаріата“ и возможность, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ классоваго господства, торжества истинно-человѣческой, внѣклассовой точки зрѣнія, тогда буржуазные идеалисты съ ужасомъ вцѣпляются въ соціалъ-демократію, повторяя излюбленный возгласъ Петра Струве: „Назадъ! назадъ!“

Намъ нечего смущаться этими возгласами—дорога наша ясна. Оцѣнивая реальную политику и тактику соціалъ-демократіи даже съ этической точки зрѣнія, мы съ убѣжденіемъ можемъ сказать, что въ данный моментъ соціалъ-демократія не сошла съ прямого пути. Именно теперь, именно при данномъ состояніи и соотношеніи общественныхъ силъ, тактика пассивнаго „культурничества“, проповѣдуемая идеалистами, является въ Россіи величайшимъ моральнымъ преступленіемъ, и только ярко выраженная активность должна и можетъ быть признана единственною истинною соціальною добродѣтелью.

Пусть-же идеалисты имѣютъ мужество признать именно *себя*, а не *насъ*, адептами *классовой* политики и пусть они запомнятъ разъ навсегда, что никто иной, какъ соціалъ-демократія, является у насъ, какъ и за-границей, единственной представительницей „высшихъ и всеобщихъ интересовъ человѣчества“...

А. Коллонтай.